

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ В ПОЗДНЕЙ ЛАТЫНИ НА ТЕРРИТОРИИ ГАЛЛИИ (из истории вопроса)¹

Д. ЧЕБЯЛИС

Характерным признаком латинского языка, который в течение долгих столетий являлся образцом языкового совершенства для всего цивилизованного мира, была сложная система флективного строя, закрепленная в традициях классической латыни. Но в то же время в живой разговорной речи в действительности никогда не прекращали своего существования тенденции, обычно именуемые аналитическими и заглушенные в произведениях классиков строгой нормой литературной традиции. По мере нарастания этих аналитических тенденций вся структура латинского языка подверглась значительным изменениям, особенно же значительными оказались сдвиги в системе именного склонения. Таким образом, все развитие латинского языка в целом может быть охарактеризовано как последовательное нарастание аналитических элементов языкового строя, вплоть до полного преобладания последних.

Движение всей системы латинского имени в целом идет к упрощению, к редукции сложных и многочисленных флексий. Результатом этой редукции был полный распад системы склонения в период поздней латыни, а затем ее полная утрата в западной Романии.

Установленная римскими грамматиками классификация шести падежей и пяти склонений в системе имени сама по себе раскрывает некоторую неполноценность целого ряда падежей: не все они грамматически оформлены, многие окончания совпадают, т. е. не каждое имя существительное имеет полную парадигму. Кроме того, уже в архаической латыни известно слияние падежей, например, отложительный падеж, будучи по своей природе конкретным и сначала

¹ Настоящая статья посвящена критическому обзору литературы, в которой так или иначе трактуется этот спорный и сложный вопрос. Мнения ученых, исследовавших данную проблему, значительно расходятся. Необходимо, как нам думается, осветить круг вопросов, входящих в проблему, подвергнуть анализу и обобщить различные точки зрения, что поможет правильно оценить достижения науки в этом направлении, наметить возможные пути решения этой важной проблемы.

объединив в себе местный и орудийный падежи, выражал пространственные, т. е. конкретные отношения, а затем стал выражать место во времени, т. е. временные (более абстрактные) отношения и образовал так называемый синкретический падеж, круг значений которого был весьма обширным. Синкретизм в системе именного склонения не является смешением падежей, потому что этот процесс нельзя рассматривать только как механическое явление². Падежи скорее сливаются или совпадают в одной форме, нежели смешиваются. Так, например, во всей системе латинского склонения во множественном числе не различаются окончания дательного и отложительного падежей (-is, -ibus); далее, во всех парадигмах обоих чисел именительный и винительный падежи среднего рода всегда тождественны. Но синкретизм падежей не ограничивается выравниванием окончаний в разных парадигмах, он ведет к редуции всей системы склонения в целом, а иногда процесс синкретизма приводит и к полному исчезновению грамматического явления (ср. судьбу латинского склонения в Италии и на Пиренейском полуострове). Такое совпадение различных падежей в одной форме приводит к их многозначности, что в свою очередь также способствует дальнейшему развитию синкретизма.

Однако падежам не только свойственно выражать одной грамматической формой различные стороны действительности, нередко также какой-либо один аспект действительности выражается разными грамматическими формами, разными падежами. Характеризуя внешние черты или внутренние качества человека, римлянин мог выразить эту мысль двумя падежами (*genitivus* и *ablativus qualitatis*): *vir magni ingenii summaque prudentia* (Cic. Leg. 3,45)³. Такая возможность употреблять в одной и той же характеристике рядом два различных падежа уже сама по себе показывает, что падежная форма, т. е. грамматическое окончание падежа, воспринималась во многих случаях как довольно расплывчатая единица языка. Все это вело не к дифференциации падежей, а скорее к стиранию различий между функциями разных падежей.

Наиболее ясной и не вызывающей никаких сомнений грамматической формой является та, которая предназначена для выражения одного аспекта действительности. Латинский язык, на заре своей истории знавший такие грамматические формы в системе имени, утрачивает их к началу литературного периода, так как индоевропейский орудийный, а затем и местный падежи, объединившись в один латинский отложительный падеж, передали ему свои собственные функции и уменьшили тем самым круг тех падежей, которые могли выступать с присущими лишь им функциями. Такому смешению, возможно, спо-

² J. Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*, Erste Reihe, 2-e Auflage, Bd. I, Basel, 1926, S. 301.

³ F. Stolz, J. H. Schmalz, *Lateinische Grammatik, Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*, München, 1926—1928, S. 391.

собствовала и семантическая близость⁴ этих трех падежей. Понятия движения от отправной точки, местонахождения и действия при помощи орудия семантически не так уж далеки друг от друга, и все эти понятия могут легко сблизиться и даже облечься в одну форму.

К упрощению системы падежей вело и фонетическое развитие латинского языка. Звуковое развитие является по сравнению с развитием грамматических форм более внешним, но оно сыграло в расшатывании латинской именной структуры немалую роль. Всякое изменение в языке начинается, по-видимому, с эволюции звуков, которая ведет к дальнейшей дифференциации языковых явлений⁵. Следовательно, первоначальные сдвиги, слегка изменяя звуковую форму языка, в первую очередь затрагивают морфологическую систему языковых категорий. Они привели к тому, что падежи, в системе которых и так уже не было особенно четкой дифференцированности, стали своими окончаниями отличаться друг от друга еще меньше. С тем, что фонетические изменения сыграли огромную роль, согласны все исследователи⁶, но сдвиги в языковой структуре зависят не только от одних изменений его звуковой оболочки. Фонетическая шаткость, нетвердость некоторых звуковых элементов способствуют созданию благоприятных условий для возникновения и укрепления других элементов выражения, функции которых не зависят от происходящих в языке фонетических изменений. В данном случае звуковая эволюция латинского языка, хотя и меняла внешний облик своих предлогов, но не вела к расшатыванию функций предлогов вообще. Скорее наоборот, предлоги всё чаще появлялись в адноминальной функции, пока не стали постоянными спутниками имен существительных, так что сочетание «предлог плюс имя существительное» стало восприниматься почти как одно слово⁷. Появление предлогов и более частое их употребление отмечалось

⁴ См. J. Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*, Erste Reihe, 2-я Auflage, Bd. I, Basel, 1926, S. 304; H. Vogt, *L'étude des systèmes de cas*, *Recherches structurales L. Hieltmslev*, *Travaux du Cercle linguistique de Copenhague*, vol. V, 1949, p. 116.

⁵ Э. Бурсье, *Основы романского языкознания*, Москва, 1952, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 20; В. Ф. Шишмарев, *Историческая морфология французского языка*, Л.—М., 1952, стр. 25—28. 32—35; H. F. Muller, *L'Époque mérovingienne*, *Essai de synthèse d'histoire et de la philologie*, New York, 1945, p. 140; E. Etienne, *La langue française depuis les origines jusqu'à la fin du XIe siècle*, vol. I, Paris, 1890, p. 192; J. Vielliard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, p. 187; M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 158; C. H. Grandgent, *An Introduction to Vulgar Latin*, Boston, 1907, p. 4; F. Brunot, *Histoire de la langue française des origines à 1900*, vol. I, Paris, 1924, p. 81; J. Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*, Erste Reihe, Bd. I, 2-е Auflage, Basel, 1926, S. 303; Fr. Diez, *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bd. II, Bonn, 1882, S. 1; D. Norberg, *Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins*, Upsala-Leipzig, 1943, S. 31; Kr. Nyrop, *Grammaire historique de la langue française*, vol. II, Copenhague, 1903, p. 172.

⁷ J. Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*, Erste Reihe, Bd. II, 2-е Auflage, Basel, 1926, S. 193.

разными исследователями. Фр. Диц⁸ говорит, что язык всегда стремится к более четкому оформлению мысли, а поэтому расплывчатым окончаниям пришли на помощь вспомогательные слова — предлоги. На все расширяющееся употребление предлогов, как на стремление языка придать бóльшую легкость именным основам, падежные окончания которых стали заметно слабеть, указывают Э. Этьен, Ж. Вьелиар, К. Г. Грэнджент, Д. Норберг, В. Мейер-Любке, Кр. Нюроп, Ф. Штольц и И. Шмальц⁹, а Г. В. Вельтен¹⁰ категорически утверждает, что настоящие флективные окончания никогда не исчезают по одним лишь фонетическим причинам. Нужно согласиться с правильным замечанием М. А. Пея¹¹, что фонетические причины, захватывая все более обширное поле действия, превращаются в синтаксические явления. Одним из таких и притом самых важных синтаксических явлений было постепенное застывание порядка слов. Ведь прямое дополнение, потерявшее всякое морфологическое оформление, не может быть иначе выражено, как только определенным порядком слов в предложении¹². Следовательно, изменения фонетического плана, все увеличивающаяся роль предлогов и закрепление порядка слов способствовали ослаблению, а затем и выравниванию падежных окончаний латинского имени.

Но язык, будучи средством общения между людьми, т. е. общественным явлением, развивается не в какой-то абстрактной среде, а, наоборот, в конкретном окружении говорящих и мыслящих людей. Эволюция языка определяется не только действием внутренних законов развития, но и влиянием внешней истории тех народов, которые являются носителями данного языка. Итак, не только в силу одних лишь языковых причин, но и под воздействием целого ряда обстоятельств неязыкового порядка — падения литературной традиции и общей образованности, влияния разговорной речи, децентрализации всей культурной жизни — латинский язык продолжал развиваться дальше по пути упрощения своего сложного флективного строя, по пути редукции именных и глагольных окончаний.

⁸ Fr. Diez, *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bd. II, Bonn, 1882, S. 1.

⁹ E. Etienne, *La langue française depuis les origines jusqu'à la fin du XIe siècle*, vol. I, Paris, 1890, p. 192; J. Vieliard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, p. 187; C. H. Grandgent, *An Introduction to Vulgar Latin*, Boston, 1907, p. 4; D. Norberg, *Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins*, Upsala-Leipzig, 1943, S. 31, 39, 40, 41; W. Meyer-Lübke, *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bd. II, Leipzig, 1894, S. 26; Кр. Нюроп, *Grammaire historique de la langue française*, vol II, Copenhague, p. 172; F. Stolz, J. H. Schmalz, *Lateinische Grammatik, Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*, München, 1926—1928, S. 372.

¹⁰ H. V. Velten, *Accusative case and its substitutes in various types of languages*, „Language“, 1932, p. 259.

¹¹ M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 213.

¹² Ср. Э. Бурсье, *Основы романского языкознания*, Москва, 1952, стр. 24; H. V. Velten, *Accusative case and its substitutes in various types of languages*, „Language“, 1932, p. 259.

В многообразии падежных флексий латинского языка уже античные грамматики установили два основных ряда различий; один ряд составляла группа именных флексий, выражающих самостоятельные понятия, не вступающих в отношения зависимости с другими и объединенных под названием *casus rectus*; второй же ряд, отличавшийся обилием выражаемых отношений, которые находились в более или менее тесной взаимозависимости друг с другом, был назван *casus obliquus*. Через всю историю латинского языка можно проследить четкое разграничение этих двух групп именных флексий. Границы между *casus rectus* и *casus obliquus* становятся несколько расплывчатыми лишь в самых поздних текстах народной латыни, стираются окончательно на территории Апеннинского и Иберийского полуостровов к моменту возникновения романских языков, но крепко удерживаются до XIV в. на территории Галлии.

По поводу образования косвенного падежа в поздней латыни, легшего в основу романского косвенного падежа, исследователи придерживаются различных мнений. В трактовке этой проблемы можно выделить три основных направления.

Одно направление, представленное крупнейшими романистами Фр. Дицем, В. Мейером-Любке, Ф. Брюно, Э. Бурсье, Кр. Нюропом¹³, считало главным источником этого падежа латинский винительный, но вскоре такое категорическое утверждение сторонников *accusativ'a* вызвало возражения. Целый ряд исследователей заметил совершенно обоснованно, что вытеснение отложительного винительным не является таким очевидным фактом, как это утверждалось «аккузативистами».

Фр. Д'Овидио¹⁴, а затем и Г. И. Асколи¹⁵ выдвинули новую точку зрения, утверждая, что единый косвенный падеж романских языков

¹³ Э. Бурсье, Основы романского языкознания, Москва, 1952, стр. 80, 193; Fr. Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, Bd. II, Bonn, 1882, S. 8; W. Meyer-Lübke, Grammatik der romanischen Sprachen, Leipzig, 1880—1902, Bd. II, S. 26—27, 30, Bd. III, S. 49; F. Brunot, Histoire de la langue française des origines à 1900, vol. I, Paris, 1924, p. 179; Kr. Nyrop, Grammaire historique de la langue française, vol I, Copenhagen, 1904, p. 313, vol. II, 1904, p. 171—173; ср. также А. Эрну, Историческая морфология латинского языка, Москва, 1950, стр. 25; C. H. Grandgent, An Introduction to Vulgar Latin, Boston, 1907, p. 46, 48, 147—148; J. Pirson, La langue des inscriptions latines de la Gaule, Bruxelles, 1901, p. 187; E. Kieckers, Historische lateinische Grammatik mit Berücksichtigung des Vulgärlateins und der romanischen Sprachen, Bd. II, München, 1931, S. 2, 12; E. Etienne, La langue française depuis les origines jusqu'à la fin du XIe siècle, vol. I, Paris, 1890, p. 186, 194—195; W. von Wartburg, Evolution et structure de la langue française, 3-me éd., Berne, 1946, p. 28; L. F. Sas, The Noun Declension System in Merovingian Latin, Paris, 1937, p. 3, 41, 124, 190, 285.

¹⁴ Fr. D'Ovidio, Sull'origine dell'unica forma flessionale del nome italiano, Pisa, 1872.

¹⁵ G. I. Ascoli, „Sull'origine dell'unica forma flessionale del nome italiano“ studio di Fr. D'Ovidio, „Archivio glottologico italiano“, 1876, II, p. 416—438.

нужно рассматривать как результат слияния всех косвенных падежей в одной форме, в которую оказался включенным также и именительный. Таким образом, по мнению вышеупомянутых исследователей, развитие латинского склонения шло к образованию одной лишь падежной формы для каждого числа в отдельности, т. е. к исчезновению падежных различий вообще, что подтверждается данными романских языков на Апеннинском и Иберийском полуостровах.

Но отнюдь не такова картина в памятниках поздней латыни на территории Галлии. В рассуждениях представителей этого второго направления, поставившего под сомнение теорию какого-либо одного падежа, содержалось рациональное зерно, за которое ухватилась новая группа исследователей, также категорически отказавшаяся искать источник косвенного падежа поздней латыни в каком-то одном падеже, будь это винительный или отложительный.

Во всей флуктуации в системе латинского имени в эпоху поздней латыни эта группа исследователей усматривает две тенденции, отчетливо пролагающие себе путь в кажущейся орфографической неупорядоченности позднелатинской письменности: одну — к слиянию всех форм *casus obliquus* в единую форму косвенного падежа и другую — к сохранению *casus rectus* в виде *cas sujet* галло-романских языков. Эту третью группу образуют, главным образом, представители так называемой американской школы романистов, занимавшиеся подробным исследованием позднелатинских текстов и подошедшие, по всей вероятности, ближе других авторов к правильному решению этого вопроса (Г. Ф. Мёллер, М. А. Пей, П. Тейлор, Ф. Полицер и Р. Полицер¹⁶).

Можно с уверенностью сказать, что позднелатинские тексты писались людьми, стремившимися подражать образцам лучших латинских авторов, но что ввиду общего упадка образованности эти писцы далеко не всегда умели употребить правильные классические окончания. Тексты позднелатинских авторов, а также сборники документов эпохи Меровингов показывают, что язык, на котором они писались, был латинский язык, однако далеко не всегда правильный, со множеством погрешностей и ошибок. Все это отголоски живой разговорной речи той эпохи, так как пишущие люди ввиду своей малограмотности не всегда были в состоянии употребить правильные латинские формы, и в их ошибках находило свое отражение новое состояние латинского языка.

---

¹⁶ H. F. Muller, A Chronology of Vulgar Latin, „Zeitschrift für romanische Philologie“, Beiheft 78, Halle, 1929; L'Époque mérovingienne, Essai de synthèse d'histoire et de philologie, New York, 1945; M. A. Pei, The language of the eighth century texts in Northern France, New York, 1932; P. Taylor, The Latinity of the Liber Historiae Francorum, A phonological, morphological and syntactical study, New York, 1924; F. N. Politzer, R. L. Politzer, Romance Trends in 7th and 8th century Latin documents, University of North Carolina, Studies in the Romance languages and literatures, Chapel Hill, 1953, N 21.

Наиболее употребительными падежами в латинском языке были винительный и отложительный. Поэтому неудивительно, что главным образом на эти два падежа и было обращено внимание первых исследователей, занимавшихся проблемой косвенного падежа в поздней латыни. Характерной чертой винительного в единственном числе является конечный *-m*, зыбкость которого привлекала к себе внимание уже античных грамматиков. Отпадение этого конечного *-m*¹⁷ в окончании винительного падежа *-um*, *-em* во II-ом и III-ем склонениях единственного числа было явлением, известным уже в древнейших латинских памятниках.

Начиная с классических времен, эти два падежа проявляли тенденцию к фонетически тождественному оформлению своих окончаний. Большинство исследователей латинского и позднелатинского языка придерживаются мнения, что конечный *m* в винительном падеже стал исчезать очень давно¹⁸. Исключение составляли некоторые односложные слова. Другие же авторы утверждают, что *m* произносился еще и в период позднелатинского языка, хотя, может быть, с легкой назализацией предшествующего гласного¹⁹. Однако учитывая классические правила просодии (элизия гласных, сопровождаемых *m*), указанные в Appendix Probi примеры исчезновения *m*, а также тот факт, что *m* часто исчезает не только во флексиях, но и в несклоняемых словах, а также и в глаголах, следует согласиться с правильным выводом М. А. Пей: во всяком случае, в VIII в. *m* уже не произносился, и ввиду полного смешения окончаний *-o* и *-um*, *-e* и *-em*, *-a* и *-am*, завершившегося в орфографии к VIII в. н. э., назализующее влияние этого исчезающего *m* также невозможно²⁰. Этим фактом и были созданы предпосылки для слияния винительного и отложительного падежей. Слияние этих двух падежей подтверждается также и статистическими данными, которые приводятся в работах М. А. Пей²¹ и Л. Ф. Саса²². Авторы указывают, что правильное употребление окончаний имен

¹⁷ M. A. Pei, The language of the eighth century texts in Northern France, New York, 1932, p. 106.

¹⁸ Э. Бурсье, Основы романского языкознания, Москва, 1952, стр. 46; F. Sommer, Handbuch der lateinischer Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1914, S. 302—305; C. H. Grandgent, An Introduction to Vulgar Latin, Boston, 1907, p. 129—130; J. Pirson, La langue des inscriptions latines de la Gaule, Bruxelles, 1901, p. 99—100; J. Viel-liard, Le latin des diplomes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne, Paris, 1927, p. 70—73.

¹⁹ M. Bonnet, Le latin de Grégoire de Tours, Paris, 1890, p. 154; P. Taylor, The Latinity of the liber Historiae Francorum, A. phonological, morphological and syntactical study, New York, 1924, p. 66—67.

²⁰ M. A. Pei, The language of the eighth century texts in Northern France, New York, 1932, p. 108; M. H. D'Arbois de Jubainville, La déclinaison latine en Gaule à l'époque mérovingienne, Etude sur les origines de la langue française, Paris, 1872, p. 17: „Il est donc probable qu'en Gaule on prononçait l'm final de l'accusatif latin, quand en Italie on avait cessé de le pronocer“.

²¹ Там же, p. 141, 377, 379.

²² L. F. Sas, The Noun Declension System in Merovingian Latin, Paris, 1937, p. 146—147, 239—240.

существительных *-um* и *-em* после глаголов в функции прямого дополнения встречается все реже и все чаще появляются обобщенные окончания *-o* и *-e*.

Однако, несмотря на формальное совпадение окончаний винительного и отложительного, на расплывчатость значений этих двух падежных окончаний, винительный проявляет довольно упорную жизнеспособность. В позднелатинских текстах появляется новая конструкция — *accusativus absolutus*. В период падения римской империи эта конструкция не является чем-то новым, она уже встречается в *Peregrinatio Aetheriae*²³, как отмечает Ж. Вьелиар²⁴ в исследованиях меровингских дипломов, к ней прибегают Григорий Турский²⁵ и ряд других писателей того времени. *Digno innocenti viro, qui inpleta tempora cessit* (Grg. Tur.)²⁶; *impletum beatus pontifex vitae cursum migravit ad Dominum* (Mon. Germ. dipl.) *istas kalendas martias iam preteritas*²⁷.

Исследования М. А. Пейя²⁸ показывают, что *accusativus absolutus* встречается и в документах VIII в. *relecta ipsa strumenta, inspectas ipsas praeseptiones*, но в большей части из этих примеров встречаются имена существительные женского рода, где окончания *-a* и *-as* стремились стать общими, или же такие формы существительных, которые соответствовали косвенному падежу других склонений; следовательно, появление новой конструкции *accusativus absolutus* еще не свидетельствует о том, что винительный должен был стать падежом, преобладающим над другими.

Исчезновение двух других косвенных падежей, родительного и дательного, наблюдается рано. Уже в I в. н. э. родительный начинает уступать место предложным конструкциям с *de*, *ex*²⁹. Такие конструкции встречаются еще у Плавта: *dimidium de praeda dare; tibi nunc dilectum para ex multis* (Pseud, 392), а в послеклассический период, особенно с III в. н. э., аналитические конструкции с *de* встречаются все чаще и чаще³⁰, и, по мнению Мейера-Любке и Нюропа³¹, это

²³ E. Löfstedt, *Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae*, 1911, S. 158.

²⁴ J. Vielliard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, p. 194.

²⁵ M. Bonnet, *Le latin de Grégoire de Tours*, Paris, 1890, p. 561.

²⁶ Цит. по D. Norberg, *Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins*, Upsala-Leipzig, 1943, S. 35.

²⁷ Цит. по J. Vielliard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, p. 194.

²⁸ M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 229.

²⁹ F. Stolz, J. H. Schmalz, *Lateinische Grammatik, Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*, München, 1926—1928, S. 388, 528.

³⁰ E. Löfstedt, *Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae*, 1911, S. 103; ср. S. H. Grandgent, *An Introduction to Vulgar Latin*, Boston, 1907, p. 43—44; L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 3.

³¹ W. Meyer-Lübke, *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bd. II, Leipzig, 1894, S. 26, 29; К. Н. Нуроп, *Grammaire historique de la langue française*, vol. II, Copenhague.

первый падеж, обнаруживший несомненную склонность к исчезновению. В более позднюю эпоху родительный принадлежности стал часто заменяться другим падежом — дательным принадлежности (ст. фр. *le filz al rei*), а также косвенным падежом в постпозиции (ст. фр. *la fille le roi*).

Тексты поздней латыни изобилуют конструкциями, близко напоминающими романские, где вновь зародившийся косвенный падеж уже выступает в функции косвенного падежа, в данном случае в функции классического генетива: *infra termino villa nostra illa* (Marculfus); *ad integrum dedit a parte Eufimiane abbatissa* (Tardif); *signum nobilissima fillia Pippini regis, qui hanc donationem fieri rogavit*³²; *agentes venerabeli viro Dalfino abbate, agentes inlustri viro Grimoaldo, tempore Hildeberto rege*³³. Следовательно, в эпоху поздней латыни родительный падеж мог быть заменен либо предложной конструкцией *de, ex* плюс косвенный падеж, либо прямо косвенным падежом в адноминальной функции после определяемого слова для выражения принадлежности (possessionis). В этой последней функции он семантически часто сближается с *dativus possessionis*: *illic est Philocomasio custos* (Plautus, Miles, 271)³⁴.

Употребление единого косвенного падежа вместо родительного — один из самых ярких примеров последовательного развития косвенного падежа. Вновь образовавшаяся косвенная форма вместо родительного падежа появляется первоначально в именах собственных, затем распространяется на имена нарицательные, связанные с именами собственными, далее охватывает прилагательные и потом просто все нарицательные существительные. Тем не менее классическое окончание родительного падежа сохраняется в преобладающем количестве примеров. Интересны итоги, подведенные М. А. Пейем³⁵: в текстах VIII в. правильный родительный падеж встречается 737 раз, новый косвенный вместо родительного 267 раз, родительный вместо вновь образующегося косвенного 29 раз, что позволяет Пею сделать весьма обоснованный вывод о возможности полного исчезновения родительного падежа к концу VIII в.³⁶ Этот вывод подтверждается данными исследований

1903, p. 173. Cp. L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 213—214: „The genitive sg. in -is is very common in all our texts. It has two important competitors: (1) the genitive in -e (-i), (2) the „analytic“ *de+a*. Other forms are rare“.

³² Цит. по L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 28—29.

³³ Цит. по M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 218.

³⁴ Цит. по F. Stolz, J. H. Schmalz, *Lateinische Grammatik, Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*, München, 1926—1928, S. 416.

³⁵ M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 220.

³⁶ Там же, стр. 222.

Л. Ф. Саса³⁷, из которых вытекает, что классические окончания III-го склонения во множественном числе также идут на убыль.

Так как форма дательного падежа фонетически тождественна или родительному падежу (ед. ч. I-го скл.), или отложительному (во всех остальных случаях), то трудно установить, является ли этот формальный датив настоящим или только мнимым. Хорошо сохраняется дательный падеж в местоимениях, а в именах существительных, особенно если они выступают в функции косвенного дополнения, он заменяется предложной конструкцией *ad* плюс косвенный падеж, которая известна уже в классической латыни: *hunc ad carnificem dabo* (Plautus, *Captivus*, 1019); *donat igitur illi honeste puella, noxae suae lei, sponsa filio suo* (Marculfus); *ait rex ad sancto*³⁸.

Ж. Вьелиар³⁹ указывает, что дательный падеж в изученных ею текстах находится в стадии исчезновения, за исключением *dativus possessionis* и дательного в местоимениях.

Hic requiescunt membra ad duos fratres (VII в.)⁴⁰; *exercitus praedicto rege* (Fredegarius)⁴¹.

В замене родительного и дательного падежей новым косвенным играют роль не только одни фонетические изменения, но и синтаксические. Так, в замене родительного принадлежности вновь образованной конструкцией, где за определяющим словом было закреплено постоянное место после определяемого, сыграл важную роль порядок слов, а вытеснение синтетического родительного и дательного предложными конструкциями с *de* и *ad* выступило в качестве такого синтаксического фактора, который направил развитие языка, обладавшего синтетической структурой, в сторону к иной — аналитической⁴².

Таким образом, замена родительного и дательного вновь сформировавшимся косвенным, с одной стороны, и тенденция к слиянию винительного и отложительного в одну и ту же форму этого нового косвенного падежа, с другой, неуклонно вели язык по направлению к образованию единой формы косвенного падежа для выражения всех аспектов многогранного латинского *casus obliquus*. Всматриваясь в

³⁷ L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 260. Ср. далее М. Н. D'Arbois de Jubainville, *La déclinaison latine en Gaule à l'époque mérovingienne*, Paris, 1872, p. 147; P. Taylor, *The Latinity of the Liber Historiae Francorum*, New York, 1924, p. 81.

³⁸ Цит. по L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 31.

³⁹ J. Vieliard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, p. 191—192.

⁴⁰ Цит. по J. Pirson, *La langue des inscriptions latines de la Gaule*, Bruxelles, 1901, p. 193.

⁴¹ Цит. по D. Norberg, *Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins*, München, 1926—1928, S. 44—45.

⁴² P. Taylor, *The Latinity of the Liber Historiae Francorum*, New York, 1924, p. 84: „The -e of *rege* is not the -i of the dative *regi* changed through some phonological development, but the ending -e of the oblique case *rege* of *rex*“.

таблицы М. А. Пея⁴³, можно отчетливо увидеть, как обобщенные окончания неуклонно одерживали одну победу за другой.

Итак, из вышесказанного следует, что косвенный падеж получил к концу VIII в. довольно четкое оформление: *a, o, e* в единственном числе и *as, is(os), es(is)*⁴⁴ во множественном числе. Флуктуация в системе именных окончаний известна уже в архаической латыни, и сейчас не представляется возможным установить отправную точку или какое-либо определенное начало этой флуктуации. Также невозможно установить, какой из косвенных латинских падежей или, вернее, какая из форм общего *casus obliquus* оказалась наиболее шаткой и первой проявила признаки исчезновения или слияния. Так, по мнению В. Мейера-Любке и Кр. Нюрапа⁴⁵, таким падежом был родительный, а Д. Норберг⁴⁶ подвергает это сомнению, полагая, что таким падежом, по всей вероятности, был дательный. Также трудно установить, винительный или отложительный стал первым уступать место другому. С формальной точки зрения отложительный падеж был единственным, окончание которого не подверглось фонетическим изменениям, но в то же время, с целью смыслового усиления, стал все чаще употребляться с предлогами. Вполне закономерно возникает вопрос, почему же он должен был уступить место другому падежу, винительному, который уже ввиду утраты конечного *m* приобрел сходство с отложительным и тем самым превратился в нечто расплывчатое, к которому нужно было для выражения функции прямого дополнения или закрепить за собой постоянное место после глагола, или прибегать к помощи предлогов. Правда, форма винительного падежа оказалась устойчивой в именах существительных среднего рода. Мало того, он образовал даже новую конструкцию — *accusativus absolutus*, совершенно неизвестную классической латыни. Все это подтверждает, что в поздней латыни винительный падеж отнюдь не являлся отмирающим языковым явлением. Но, с другой стороны, отложительный также был далек от исчезновения, *ablativus temporis, ablativus modi, ablativus absolutus* формами своих окончаний совпадая, правда, с окончаниями единого косвенного падежа, продолжает процветать в течение всего позднелатинского периода. По итогам, подведенным М. А. Пеем⁴⁷, в текстах VIII в. из форм косвенного падежа в функции винительного (всего 599) 264 формы употреблены с предлогами и 335 форм после глаголов, между тем

⁴³ M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 377—381.

⁴⁴ Cp. L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 276: "...that the fluctuation between -is and -es indicates a weakening of the unaccented final vowel".

⁴⁵ W. Meyer-Lübke, *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bd. II, Leipzig, 1894, S. 26; K. Nyrup, *Grammaire historique de la langue française*, vol. II, Copenhagen, 1903, p. 173.

⁴⁶ D. Norberg, *Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins*, Upsala-Leipzig, 1943, S. 42.

⁴⁷ M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 227.

как из правильных форм винительного (всего 269) мы имеем 128 раз сочетание с предлогами и 141 раз позицию после глаголов. Распределение синтаксических функций между этими формами ясно показывает, что авторы, писавшие в то время, не воспринимали падежную форму как представляющую тот или иной падеж, а скорее наоборот. Такое безразличное употребление правильного винительного и форм вновь образовавшегося косвенного падежа в одной и той же функции винительного почти в одинаковом количестве в сочетании с предлогами и без них свидетельствует о том, что падеж воспринимался как нечто общее, именно в его косвенной форме. Таким образом, можно сделать вывод, что отдельные формы *casus obliquus*, как представляющие группы функций четырех падежей: родительного, дательного, винительного, отложительного, слились в сознании писца VIII в. в одну форму косвенного падежа, в основу которого в единственном числе легла, по всей вероятности, форма отложительного падежа, а во множественном числе, возможно, преобладала форма винительного падежа.

Изложенные здесь факты свидетельствуют о том, что в языке зародилось новое синтаксическое сознание одного единого падежа.

На территории Галлии в старофранцузском и старопровансальском шесть латинских падежей были сведены к двум, в других частях Романии — к одному. Несмотря на кажущуюся путаницу в Галлии, *casus rectus* и *casus obliquus* различаются довольно отчетливо. В меровингских дипломах, как утверждает Ж. Вьелиар⁴⁸, эти два падежа никогда не смешиваются. То же самое можно сказать и о текстах, изученных Л. Ф. Сасом⁴⁹, в которых *casus rectus* и *casus obliquus* в подавляющем большинстве случаев различаются.

Старофранцузская форма *li murs* является прямым продолжением латинской *murus*. Звук *s*, почти переставший звучать в архаической латыни, вновь появился к началу литературного периода. В Романии судьба этого звука была различной в зависимости от областей. В галло-романских языках этот прочно сохранившийся *s* и лег в основу двух-падежной системы.

На сохранении или отпадении конечного *s* построена теория В. Вартбурга⁵⁰ о разделении Романии на две основные части — восточную и западную. Теория В. Вартбурга поддерживается исследова-

⁴⁸ J. Vielliard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, p. 186.

⁴⁹ L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 64, 467, 499.

⁵⁰ W. von Wartburg, *Die Entstehung der romanischen Völker*, (Halle) Saale, 1939.

ниями Полицеров⁵¹, в которых показано, что явление отпадения конечного *s*, первоначально охватившее Италию, приостанавливается севернее реки По и почти не распространяется на север Галлии.

В надписях на территории Галлии *s* писался в течение всего VII и VIII веков⁵². Эта устойчивость звука *s* на территории Галлии объясняется двумя возможностями: влиянием кельтских языков⁵³, сохранивших свой *s* в парадигмах именного склонения, и, по-видимому, влиянием школьной традиции⁵⁴, сыгравшей немалую роль в истории Галлии. Вообще нужно отметить, что *s* все время то выпадал, то опять появлялся в латинской речи. Он был достаточно сильным звуком, чтобы прочно удержаться там, где язык в нем нуждался, но оказался довольно шатким, склонным к выпадению там, где язык мог сохранять нужные различия другими средствами. Особенно устойчивым *s* оказался в прямом падеже единственного числа и в косвенном падеже множественного числа.

Форма *li tui* является также прямым продолжением латинской *tui* в старофранцузском. В силу фонетической эволюции конечный звук *i* стал ослабевать и под конец совсем отпал, создав, таким образом, *casus rectus* множественного числа в старофранцузском и старопровансальском.

Если во II-ом склонении *casus rectus* и *casus obliquus* отличаются друг от друга лишь наличием или отсутствием *s*, то в III-ем склонении картина оказывается гораздо более сложной. Равносложные имена существительные типа *civis, civis, canis, canis* так же, как и неравносложные типа *bos, bovis* или *auctoritas, -tis*, обычно сохраняют в единственном числе свою форму именительного падежа, и лишь в редких случаях эта форма появляется без *-s*, выпадение которого не является регулярным и поэтому не позволяет сделать каких-либо определенных выводов⁵⁵. Развитие парадигмы III-го склонения шло к выравниванию именной основы. Это выравнивание проявлялось у неравносложных в тенденции заменять основу именительного основой родительного па-

---

⁵¹ F. N. Politzer, R. L. Politzer, *Romance trends in 7th and 8th century Latin documents*, University of North Carolina, *Studies in the Romance languages and literatures*, Chapel Hill, 1953, N 21, p. 1, 14.

⁵² См. C. Proscauer, *Das auslautende -s auf den lateinischen Inschriften*, Strassburg, 1909, S. 51, 83; Kr. Nyrop, *Grammaire historique de la langue française*, vol. II, Copenhagen, 1903, p. 189; J. Vlelliard, *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927, p. 64—65.

⁵³ B. H. D'Arbois de Jubainville, *La déclinaison latine en Gaule à l'époque mérovingienne*, Paris, 1872, p. 33; A. Meillet, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*, Paris, 1931, p. 212.

⁵⁴ M. A. Pei, *The language of the eighth century texts in Northern France*, New York, 1932, p. 101; R. L. Politzer, *Final -s in the Romania*, „*Romanic Review*“, XXXVIII, 1947, p. 159—166.

⁵⁵ F. N. Politzer, R. L. Politzer, *Romance trends in 7th and 8th century Latin documents*, University of North Carolina, *Studies in the Romance languages and literatures*, Chapel Hill, 1953, N 21, p. 21; L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 206.

дежа. Так, *lacte* у Апулея, А. Геллия, Энния, Петрония, Плавта; *saepes, stipes, bovis* у Варрона, Петрония⁵⁶; *urbis, orbis* у Фредегария⁵⁷; *mentis* у Энния; *sartis* и *carnis* у Л. Андроника⁵⁸.

Не менее сложна картина и во множественном числе III-го склонения. Окончания *-es* и *-is* взаимно заменяли друг друга почти в равной степени⁵⁹. По поводу исчезновения *-s* в именительном падеже множественного числа и образования окончания на *-i* существуют три точки зрения: аналогия со II-ым склонением, замыкающее влияние *-s* и возможность двойного развития переднеязычного звука в конечном слого. Замыкающее влияние *-s* (Мейер-Любке и Д'Овидио⁶⁰), изменяющее перед своим исчезновением конечные *a* или *e* в *i* и возможность двойного развития переднеязычного звука в конечном слого (звуки *e* и *i* слились в *e*, но *e* имел свой аллофон *i* перед *s*, после выпадения которого *i* взял верх⁶¹) относятся скорее к Апеннинскому полуострову, где характерным признаком развития конца слова было выпадение *s* и *t*, а характерным признаком галло-романского имени было обратное явление — сохранение *s* и даже его добавление там, где в латыни он отсутствовал: *animal* > *li animaus*, *altar* > *li autars*⁶².

Остается первая точка зрения, представляемая К. Г. Гренджен-том⁶³ и состоящая в том, что, за исключением испанского, все романские языки строили свои именительные падежи множественного числа III-го склонения по образцу II-го склонения, что этот процесс начался, может быть, в VII в. Такого же мнения придерживаются Кр. Нюроп и Л. Ф. Сас⁶⁴. Примеры у Нюропа: *patres* > *patri*; *homines* > *homini*, дальше *omni, pedi, folli*.

Таким образом, к концу VIII в. в памятниках поздней латыни отчетливо видны черты двухпадежной системы именного склонения: именительный падеж, сохранивший свою самостоятельность и не поддавшийся поглощению косвенным, и один косвенный, впитавший в себя все остальные косвенные падежи. Эта двухпадежная система VII и

⁵⁶ C. H. Grandgent, *An Introduction to Vulgar Latin*, Boston, 1907, p. 153.

⁵⁷ O. Haag, *Die Latinität Fredegars*, *Romanische Forschungen*, Bd. X, 1899, S. 879.

⁵⁸ F. Stolz, J. H. Schmalz, *Lateinische Grammatik, Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*, München, 1926—1928, S. 259.

⁵⁹ F. N. Politzer, R. L. Politzer, *Romance trends in 7th and 8th century Latin documents*, University of North Carolina, *Studies in the Romance languages and literatures*, Chapel Hill, 1953, N 21, p. 28; L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 254—255.

⁶⁰ Там же, p. 52.

⁶¹ R. L. Politzer, *Vulgar Latin -es > Italian -i*, „*Italica*“, XXVIII, 1951, p. 1—5. (Р. Л. Полицер считает, что появление номинатива во Франции без *s* нужно рассматривать лишь в связи с общей системой французского имени).

⁶² L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 285; ср. также F. H. Muller, *A Chronology of Vulgar Latin*, „*Zeitschrift für romanische Philologie*“, Beiheft 78, Halle, 1929, p. 102.

⁶³ C. H. Grandgent, *An Introduction to Vulgar Latin*, Boston, 1907, p. 154.

⁶⁴ Кр. Нюроп, *Grammaire historique de la langue française*, vol. II, Copenhague, 1903, p. 182—183; L. F. Sas, *The Noun Declension System in Merovingian Latin*, Paris, 1937, p. 249.

VIII вв. в позднелатинских текстах очень близка к двухпадежной системе старофранцузского и старопровансальского имени, хотя в течение всего этого периода наряду с новой системой существовала и старая латинская многопадежная система классических времен. Правильные классические формы составляли подавляющее большинство, но частота употребления вновь образовавшегося косвенного падежа ясно показывает, что вытеснение всех косвенных падежей единой формой все более отчетливо прокладывало себе путь и что не было никакой организующей силы, способной восстановить старые классические нормы.

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Užsienio kalbų katedra

Įteikta
1961 m. kovo mėn.

PROBLEME DE LA FORMATION DU SYSTEME DES DEUX CAS DANS LA DECLINAISON DU LATIN TARDIF SUR LE TERRITOIRE DE LA GAULE ANCIENNE

D. ČEBELIS

Résumé

Sur le territoire de la Gaule ancienne le syncrétisme des cas en latin vulgaire aboutit au système des deux cas dans la déclinaison du nom. L'examen détaillé du problème et surtout l'analyse des textes du latin vulgaire à l'époque mérovingienne prouve d'une manière incontestable que ce n'est pas l'accusatif ou l'ablatif qui se trouvent à la base du cas oblique des langues romanes, mais que c'est plutôt le développement de l'ensemble des cas obliques qui aboutit à la formation d'un seul cas qualifié comme cas régime en ancien français. La stabilité de *s* aida la conservation du nominatif latin, et ainsi, sous l'influence des changements phonétiques et plus encore syntaxiques, la formation du système de la déclinaison à deux cas se trouva achevée sur le territoire de la Gaule ancienne.

DVIEJŲ LINKSNIŲ SISTEMOS SUSIDARYMO PROBLEMA VĖLYVOJOJE LOTYNŲ KALBOJE GALIJOS TERITORIJOJE

D. ČEBELIS

Reziumė

Sudėtinga lotynų kalbos penkių linksniuočių ir šešių linksnių vardžodžio sistema išsivystė į dviejų linksnių sistemą lotynų liaudies kalboje Galijos teritorijoje. Išsamus linksnių sinkretizmo problemos nagrinėjimas,

o ypač kruopšti vėlyvųjų lotynų kalbos paminklų (VII ir VIII m. e. amžių) analizė neginčijamai įrodo, kad romanų kalbų casus obliquus pagrindą sudarė ne vienas kuris nors lotyniškas linksnis (accusativus arba ablativus), o greičiausiai visos netiesioginius santykius reiškiančių linksnų visumos vystymasis privedė prie vieno netiesioginio linksnio susidarymo, vadinamo paprastai cas régime senojoje prancūzų ir senojoje provansalų kalbose. Garso s pastovumas padėjo lotyniškajam nominativus pereiti į cas sujet galoromanų kalbose, turintį tik jam vienam būdingą apiforminimą. Tokiu būdu Galijos teritorijoje vardažodžio linksniavime susiformavo dviejų linksnų sistema.
